



▲ Игорь Малах
с дочерью и внуками
на Шварценбергплац

Знакомый из прошлого тысячелетия

Интервью с Игорем Малахом

Окончание. Начало в № 12 / 2020

– Как в дальнейшем развивалось Ваше литературное творчество?

– После развала Советского Союза я эмигрировал в Австрию. Легко сказать «эмигрировал», но осуществить это было невероятно трудно. Подробно эта перемена в жизни описана в моей повести «Бегство».

В Вене я обнаружил богатую интеллигентную среду: русские газеты и журналы, русский театр, русских артистов и музыкантов, Русский культурный центр и многочисленных русскоязычных читателей и зрителей, без которых культурная жизнь существовать не может. Я, конечно, включился в эту жизнь. Позднее, кроме «Нового Венского журнала», стал публиковаться в издававшихся в то время газетах «Соотечественник» и «Давай», в журналах «Венский литератор» и «Шире круг».

– Кроме Австрии и России, Вы еще где-нибудь публиковались?

– Мои стихи и очерки печатались в журналах США, Израиля, Чехии, Грузии. Освоив немецкий, стал

публиковаться в венском издании „Zwischenwelt“. С литературным немецким языком мне помогали редактор журнала Константин Кайзер и моя дочь Эмилия, окончившая Венский университет. В 2009 году в издательстве *Teodor Kramer Gesellschaft* вышла моя книга, в которой, кроме повести «Дитя войны», была опубликована подборка моих стихотворений в немецком переводе.

– А на русском Вы издавали книги в Вене?

– В издательстве «Соотечественник» в 2009 году вышел мой поэтический сборник «Путешествие с музой во времени и пространстве». Позднее, в 2012 году, в этом же издательстве был опубликован сборник повестей и рассказов, куда вошли повести «Дитя войны», «Встречи с Вольфом Мессингом», «Квартиры» и другие. В изданную под вашей редакцией книгу «Русские в Австрии» попали мои четыре очерка о после Дмитрие Голицыне, Вольфе Мессинге, Троцком и разведчике Льве Маневиче.

– Над чем Вы работаете сейчас?

– Ударился в драматургию. Сочинил две комедии и драму. Без надежды, что какой-то театр эти пьесы поставит. В России я мог бы на это надеяться, а здесь это невозможно.

– Так Вы еще и драматург! И давно Вас на пьесы потянуло?

– К сожалению, недавно. Жанр, в котором персонажи с помощью прямой речи, монологов и диалогов, без авторских описаний и комментариев создают содержание произведения, мне понравился. Я всегда был заядлым театралом. С юности, читая моего любимого Чехова, я заметил, что многие его рассказы – это как маленькие пьесы. Неслучайно последние годы своей короткой жизни Чехов посвятил драматургии. Знаменательно, что многие его рассказы экранизированы.

– Итак, в искусстве вы сидите на трех стульях: поэзия, проза, драматургия.

– На четырех, Ирина Николаевна. Есть еще четвертый стул – музыка.

– Каким образом Вы стали еще и музыкантом?

– Это длинная история, которая началась еще в детстве в годы войны. Мы с мамой, как я рассказывал, жили в эвакуации в узбекском городке Камаши. Возле нашего домика на столбе висел большой черный репродуктор – источник новостей с фронта. Кроме того, из него звучала музыка, песни военных лет. От родителей я получил в наследство хороший музыкальный слух и отличную память, легко запоминал десятки мелодий. На школьных вечерах мы пели с ребятами русские и узбекские песни. Я и сейчас помню одну из них:

*Батынкаса булмаса – джоньма
Каллярга бары барай.
Ташикентга барай у
Самарканд барай.*

Перевод такой: «Плохо, когда нет башимаков. Босиком не поедешь ни в Ташикент, ни в Самарканд».

Я пел высоким дискантом, и все удивлялись, откуда в этом тщедушном теле такая сила. Из-за недостаточного питания меня в восемь лет принимали за пятилетнего ребенка.

Однажды в наш городок приехала концертная бригада, выступавшая в военных госпиталях и на предприятиях. Директор школы представил меня руководительнице музыкального коллектива, и она уговорила мою маму, чтобы я выступал с этой бригадой в пределах нашей Кашкардарьинской области. Вместе с аккордеонистом мы исполняли разные песни. Мне это нравилось, и тогда я впервые попробовал хлеб с настоящим маслом и чай с сахаром. Помню, когда я исполнял популярную в войну «Кубанку», слушатели плакали. Там есть такие слова:

*И когда на завтра спозаранку
Мы пойдем с врагом в смертельный бой,*

*Потеряю я свою кубанку
Со своей кудрявой головой.*

Однажды после исполнения этой песни ко мне подвели раненого, у которого были забинтованы глаза.

Он дал мне кулек с рафинадом (для меня это было целое богатство) и попросил: «*Мальчик, стой еще что-нибудь*». Я запел песню Дунаевского из «*Веселых ребят*». Со мной пели и раненые, и медсестры, и санитарки, и врачи. Одна из медсестер позднее рассказывала, что, услышав меня, лежавший на операционном столе больной попросил врачей повременить с наркозом и вместе с хирургом они подхватили песню.

В конце войны отцу, который тогда работал на пороховом заводе, где изготовляли снаряды для «катюш», разрешили забрать семью и мы с мамой поехали на Урал. Долго добирались на разных поездах с пересадками и приехали в город Пермь (тогда Молотов). Первое послевоенное лето я провел в пионерском лагере. Помню себя солистом хора, который исполнял народную песню «*Лапти*». Я и хористы были одеты в вышитые подвязанные кушаком косоворотки и обуты в лапти. И мы пели:

*Эх, лапти, да лапти, да лапти мои,
Лапти липовые,
Вы не бойтесь, ходите,
Тяжка новые сплетет. Эх, ну!*

Сразу после окончания войны мы поехали к маминой сестре, тете Асе,



в город Львов. В 1944 году Красная армия очистила его от немцев. Среди частей, освобождавших город, была артиллерийская дивизия, которой командовал муж тети Аси, дядя Володя. Тетя Ася с детьми поселилась во Львове, а дядя Володя с войсками ушел на запад. За два месяца до окончания войны он погиб под городом Бреслау. Дядя был заслуженным боевым командиром, Героем Советского Союза.

Во Львове, несмотря на большой конкурс, я был принят солистом в ансамбль мальчиков при академической хоровой капелле «*Трембита*». Все восхищались моим голосом и говорили, что я буду певцом. Но судьба распорядилась иначе. Хормейстер ансамбля, зная, что мальчикам в возрасте 9–10 лет, когда происходит мутация голоса, нельзя чрезмерно напрягать голосовые связки, тем не менее жестоко нас эксплуатировал. В праздничные дни ансамбль давал по три концерта. В результате я вскоре заболел катаром горла, прекрасный голос пропал навсегда, и для меня, не мыслившего себя без пения и без музыки, это стало жестоким ударом. Я поклялся никогда больше к музыке не прикасаться. Но, как говорится, не мы выбираем муз, а муз выбирают нас. Возврат к музыкальному творчеству произошел спустя много лет и самым неожиданным образом. Об этом я написал в стихотворении «*Моя музыка*».

– Но ведь можно быть музыкантом, не будучи певцом. Вы играете на каком-нибудь инструменте?

– Нет. Я не играю ни на одном из инструментов. Никогда не учился музыке и почти не знаю нотной грамоты. Я – композитор. Я сочиняю музыку. И это не шутка и розыгрыш. Мое сочинение – концертный марш играет военный оркестр «*Гардэ Музик*». Этот же марш сейчас репетирует духовой оркестр



◀ **Игорь Малах с семьей**

Венской полиции. Торжественную песню „Wunderschönes Wien“ исполнял юношеский хор имени Моцарта. И музыка, и немецкий текст – мои. В прошлом году в рамках концерта Венский французский хор исполнил на двух языках – французском и немецком – песню «Мы – дети земли». Я – автор музыки и немецкого текста. Французский перевод сделал бывший профессор Венского университета Клод Манак. Он – шансонье и прекрасно исполняет эту песню соло. Все, о чем я говорю, есть в записи на аудио- и видеодисках. Могу показать.

– **Вы только что сказали, что не знаете нот. Как же Ваша музыка появляется на нотном стане?**

– Мой сын Юлий и его жена Ирина – известные профессиональные музыканты. Сын – скрипач, невестка – пианистка. Я прихожу к детям и голосом исполняю свое сочинение, а они переносят музыку на бумагу в виде нот.

– **Удивительно. И откуда у Вас все это?**

– Врачи говорят, что нужно знать, чем болели твои родители и даже дальние предки. Наследственной предрасположенности никто не отменял. То же и с другими сферами. Моя мама в 16 лет писала для себя в

тетрадке роман. Отец обладал абсолютным музыкальным слухом и отменной памятью. Я помню его в пенсионном возрасте. Дома или работая в саду и огороде, он всегда напевал песни, романсы, арии из опер и оперетт. Он знал их бесчисленное множество. Я как-то спросил его: «Папа, почему тебя при таких способностях не учили музыке?» Отец ответил: «Мои детство и юность пришлись на годы Первой мировой и Гражданской войн. А после войны наступила такая нищета, что не было возможности купить штаны и шестнадцатилетние ребята ходили в длинных рубахах из рогожи. Какая там музыка?» Опереджая вопрос, почему я не учился музыке, скажу, что и мои детские годы пришлись на трудное военное и послевоенное время.

– **Вы сочиняете песенные мелодии на свои тексты?**

– В основном на собственные русские и немецкие тексты. Иногда и на стихи других поэтов. Случается, что мелодия приходит раньше текста. Еще хочу подчеркнуть – мое кредо музыкального сочинителя выражается двумя словами: ИНТЕРЕСНАЯ МЕЛОДИЯ. Интересная значит: выразительная, впечатляющая и красивая. Ну и, разумеется, – своя. Я боюсь произвольно что-то по-

заимствовать из чужой музыки. Если я это замечаю, то немедленно ликвидирую.

– **А Вы не боитесь, что какой-нибудь сочинитель позаимствует Вашу мелодию? Как Вы защищаетесь от этого?**

– Есть способы защиты, и я стараюсь к ним прибегать.

– **Когда Вы начали сочинять музыку и много ли у Вас сочинений?**

– Я упомянул свои стихи «В осеннем парке». На этот текст сочинил мелодию. Получился романс. При рождении моих детей каждому из четверых я посвящал песню. У меня десятки сочинений: романсов, песен, танцев, баллад, хоровых, инструментальных, оркестровых произведений. Они разные: веселые, торжественные, романтические, печальные. Но вся эта музыка соответствует моему кредо: в ней должна присутствовать ИНТЕРЕСНАЯ МЕЛОДИЯ.

– **Но музыка – дело индивидуальное. Одному песня нравится, другому – нет.**

– Если у человека есть музыкальный вкус, неважно, кто он: музыкант-профессионал или простой меломан, ему понравится интересная мелодия и вызовет неприязнь произведение с примитивным, посредственным мотивом или, как это сейчас нередко бывает, сочинение, в котором мелодия вообще отсутствует. Для меня это не музыка, а набор звуков – сотрясение воздуха, как говорят немцы – *Erschütterung der Luft*.

– **Странно как-то у Вас получается. Строки из басни, ставшие пословицей: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник», Вы опровергаете своими делами. Будучи инженером по профессии, Вы занимаетесь литературой и пишете пьесы, никогда не участь музыке, сочиняете романсы, хоровые и оркестровые произведения. Впрочем, не это странно. Удивителен высокий профессиональный уровень того, что Вы делаете.**

– Если говорить о литературе, на Вашу поговорку есть другая: «Чтение – вот лучшее учение». Писатель – это в первую очередь читатель. Чтение, конечно, не всего подряд, а избирательное чтение – тоже своего рода талант. Любовь к избирательному чтению плюс заложенные свыше способности, в частности фантазия, делают хорошего писателя, которого хочется перечитывать. И не забывайте, что сказал Вольтер: «Все жанры хороши, кроме скучного». И я стараюсь писать так, чтобы не вызывать у читателя зевоту.

– По поводу литературы я с Вами согласна. Есть прекрасные писатели, которые не учились в литературных институтах. Они – самородки. Но как без музыкального образования сочинять музыку?!

– Музыкальное сочинение – дело непростое. Здесь играют огромную роль врожденные способности. Хороших композиторов намного меньше, чем хороших писателей. И учиться музыке необходимо, с этим никто не спорит. Но и в этом правиле есть исключения.

Я отступлю от темы. С началом Второй мировой войны, когда немцы оккупировали Польшу, оттуда в Советский Союз бежали в первую очередь польские евреи: оставаться в Польше для них было равносильно смерти. Среди эмигрантов оказались известные музыканты, композиторы, певцы, которые, включившись в новую музыкальную жизнь, выступали на концертах, организовывали ансамбли и оркестры. Нужно назвать блестящего композитора Юрия (Ежи) Петербургского, автора известных танго «Утомленное солнце» и «Донна Клара», а также популярной в войну песни «Синий платочек». Можно вспомнить также Эдди Рознера и автора известного шлягера «У самовара я и моя Маша» Фаину Гор-



▲ Игорь Малах среди певцов французского хора STUDIO MOLIERE

«У меня десятки сочинений: романсов, песен, танцев, баллад, хоровых, инструментальных, оркестровых произведений. И вся эта музыка соответствует моему кредо: в ней должна присутствовать интересная мелодия.»

дон. Среди этих музыкантов был певец Альберт Гаррис. Обладая хорошим голосом и слухом, он никогда музыке не учился, не владел музыкальными инструментами и не знал нот. Вместе с ним эмигрировал его брат, профессиональный пианист. Так вот, Альберт Гаррис получил известность не как певец, а как композитор. Сочиненную мелодию Вилли напевал брату, и тот положил ее на ноты. Знаете популярную веселую песенку «Мандолина, гитара и бас»? Автор этой красивой мелодии и других известных песен – музыкально безграмотный Альберт Гаррис. Они до сих пор на слуху и исполняются на концертах. Таких неграмотных, но одаренных композиторов называют интуитивными мелодистами. И Ваш покорный слуга принадлежит к их числу.

– И легко Вам сидеть на этом четвертом стуле? Я имею в виду публичное исполнение Вашей музыки.

– Сложно. Очень сложно. Руководители оркестров и хоров часто сами сочиняют музыку, а когда они видят интересную и красивую мелодию у необразованного автора, это для них как оскорбление. Зависть переходит в неприязнь к сочинителю.

Мне еще повезло. Несколько лет тому назад ныне покойный директор музея, где я работал, господин Георг Хабер организо-

вал ряд моих авторских концертов, мои романсы и песни исполняла талантливая певица Элла Малкина. Капельмейстеру военного оркестра «Гардэ Музик» Хайдэггеру тогда понравился мой концертный марш, и он написал инструментовку для духового оркестра, который исполнил произведение. Но это скорее приятные исключения. Возможно, в России отношение к моей музыке было бы более благосклонным. Но Россия далеко, связей никаких. Для организации концертов нужен импресарио и материальные средства. Жаль. Я умру, а со мной и мои мелодии...

– Ну зачем же так мрачно? На умирающего Вы не похожи, а фортуна может еще Вам улыбнуться. С литературой-то у Вас дела обстоят лучше.

– Относительно лучше. В Нью-Йорке на английский переведены пять моих повестей. Надеюсь, выйдет сборник. За это взялся живущий там сын Вены. Он человек деловой и, несмотря на занятость, думаю, доведет книгу до читателя.

– Вот видите, как все хорошо. У Вас будут публикации не только на русском и немецком, но и на английском языке. Не каждому писателю такое удастся. Закончим интервью на оптимистичной ноте. Здоровья Вам и успехов!

Беседовала Ирина Мучкина

Фото: архив семьи Малах